

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА
(Полтава)

ПРИЁМЫ ДЕТАЛИЗАЦИИ И ФУНКЦИИ ДЕТАЛЕЙ В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

*Ключові слова: деталь, подробиця, система деталей, образ-
річ, прийом деталізації, функції деталей, мотив.*

В поистине необъятной гоголиане «Мертвые души» анализировались исследователями с разных сторон. При этом много внимания уделялось характерам героев, сюжету и композиции поэмы, образу автора и лирическим отступлениям, анализу замысла писателя. О роли подробностей и деталей в «Мертвых душах» написано не так уж много. Между тем без них трудно понять замысел гоголевского произведения и специфику его жанровой природы.

Роль «мелочей» в художественной структуре гоголевской поэмы одним из первых подчеркнул Андрей Белый. «Анализировать сюжет «Мертвых душ», – пишет он в книге «Мастерство Гоголя», – значит: минуя фикцию фабулы, ощупывать мелочи, в себя вобравшие: и фабулу, и сюжет <...>. Сюжета вне подробностей в «Мертвых душах» нет: его надо выжать из них; необходимо исследование контрапункта всех штрихов, слагающих картину первого тома» [1, с. 118]. Исследователь считал, что читать гоголевскую поэму надо так, чтобы извлечь оттенки («Мертвые души», с его точки зрения, «оттеночны»), а вне оттенков остается лишь голый каркас рассуждений автора. Из контекста высказываний Андрея Белого ясно, что, говоря о «мелочах», он имеет в виду детали.

Интерес к гоголевской детали, в частности к предметному миру его произведений, нашёл отражение в работах В.Б. Шкловского, Ю.В. Манна, А.П. Чудакова, Е.С. Добина, А.Б. Есина, М.Я. Вайскопфа, Н.М. Сквиры. Однако проблема изучения роли деталей в творчестве писателя далеко не исчерпана. Предметом данного исследования являются такие детали, которые повторяются и варьируются, имеют лейтмотивный характер в тексте первого тома «Мертвых душ».

Размышляя о двух типах писателей в седьмой главе поэмы, Гоголь с горечью упоминает о судьбе непризнанного писателя, который дерзнул «вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, – всю страшную, потрясающую *тину мелочей* (курсив наш – В.М.), опутавших нашу жизнь» [2, с. 124]. Автор поэмы относится к тем писателям, которых интересовали мелочи и для которых они были художественно значимы. В творчестве Пушкина детали немногочисленны, они подвергались строгому отбору, их использование имело всегда строго мотивированный характер. В произведениях Гоголя поражает обилие деталей. Однако между пушкинской и гоголевской детализацией связь все-таки существует. Отметив, что Пушкин давал прямые описания, основанные на выделении *главной детали*, В.Б. Шкловский предположил: «Может быть, от Пушкина идет и резкая характерность – выделенность гоголевских деталей» [9, с. 255, 269].

Гоголевские детали, как правило, яркие и запоминающиеся. Писатель осознанно стремился к тому, чтобы они запомнились читателю, прибегая к повторам, упоминая о той или иной детали в разных вариациях. Чёткая маркировка героев соединяется

в гоголевской поэме с детальным описанием внешности и интерьера. И это не случайно, ведь «язык искусства – язык детали» [8, с. 73]. Каждый из образов, играющих заметную роль в сюжете поэмы, раскрывается при помощи целой системы характеристических деталей. Гоголь признавался в «Авторской исповеди»: «Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности» [3, с. 420]. Так, детали портрета Чичикова указывают на черты усреднённости и неопределённости в его характере («не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» [2, с. 6]). В данном случае Гоголь использует приём фантасмагории. Андрей Белый справедливо указывал, что описание Чичикова в первой главе – «эпитафия безличию <...> явление круглого общего места, спрятанного в брочку» [1, с. 95]. Это «общее место» означено в поэме деталями. Так, повторяющаяся яркая деталь внешности героя – «фрак брусничного цвета с искрой» – напоминает о его желании выделиться, быть замеченным, что соответствует его «наполеоновским» планам. В костюме Чичикова обращают на себя внимание такие детали, как «белые воротнички», «щегольской лаковый полусапожек, застегнутый на перламутровые пуговицы», «синий галстук», «новомодные манишки», «бархатный жилет». Мозаика портрета героя складывается постепенно и состоит из отдельных деталей. О его духовных запросах и интересах сказано вскользь, мимоходом и не так детально, как описана, например, поглощаемая им еда или то, как он мылся «мокрой губкой», как «стер мылом <...> щеки, подперши их <...> языком», как «вспрыскивал» себя одеколоном, менял белье и т.д. В конце седьмой главы изрядно выпивший Чичиков, который «перечокался со всеми», неожиданно начинает читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте» [2, с. 142]. Комментируя данный фрагмент текста, Е.С. Смирнова-Чикина уточняет, что речь идет о стихотворении В.И. Туманского «Вертер и Шарлота (за час перед смертью)», которое было опубликовано в 1819 году в журнале «Благонамеренный» [7, с. 134]. В десятой главе поэмы есть беглое упоминание о том, что Чичиков «прочитал даже какой-то том герцогини Лаварьер» [2, с. 198]. Однако указания на духовные интересы героя единичны, они не имеют системного характера.

Чичикова невозможно представить без его крепостных – кучера Селифана и лакея Петрушки, а также без брочки, тройки лошадей и шкатулки – «небольшого ларчика красного дерева с штучными выкладками из карельской березы».

В отличие от балаганного Петрушки, русского шута в красном кафтане и красном колпаке, гоголевский Петрушка одет в широкий коричневый сюртук «с барского плеча». Автор акцентирует внимание на таких портретных деталях персонажа, как «крупный нос и губы», на его страсти к чтению как процессу («вот де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит»), на его умении спать, не раздеваясь, и носить свой «особенный воздух» – запах, «отзывавшийся несколько жилым покоем». Пара слуг героя обрисована по принципу контраста. Молчаливому Петрушке, делающему всё автоматически, противопоставлен разговорчивый Селифан, который любит выпить. Писатель вкладывает в его уста пространные высказывания, обращённые к своим лошадям.

В детальном описании тройки Чичикова Гоголь активно использует приёмы персонификации и антропоморфизма, в частности, наделяет животных человеческими качествами. Так, читатель узнаёт, что чубарый пристяжной конь «был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, <...> трудились от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от этого удовольствие» [2, с. 37].

В речах и оценках «словоохотливого» Селифана, читающего наставления лошадям, гнедой – «почтенный конь» и Заседатель – «хороший конь», а чубарый – «панталонник <...> немецкий», «дурак», «невежа», «варвар» и «Бонапарт <...> проклятый». В третьей главе поэмы гнедой и Заседатель – «любезные» и «почтенные», а чубарый – «ворона». Небезынтересно, что Гоголь задолго до Л.Н. Толстого, запечатлевшего «мысли» лошади в рассказе «Холстомер», знакомит читателя с «мыслями» чубарого: «Вишь ты, как разнесло его! – думал он сам про себя, несколько припрыгивая ушами. – Небось знает, где бить! Не хлыстнет прямо по спине. А так и выбирает место, где поживее...» [2, с. 55].

Образ-вещь – шкатулка Чичикова – также играет важную роль в раскрытии характера героя, поскольку непосредственно связана с его «тайной» и планами обогащения. «Тайна» Чичикова, как второе дно, раскрывается не сразу, а в конце первого тома романа. «Ларчик красного дерева» также имеет второе дно. Символический характер данного предмета становится очевиден в эпизодах пребывания Чичикова у Коробочки. «Шкатулка – и символ, и реальный предмет, – подчёркивает Андрей Белый, – она план приобретения, тайный в футляре души, вскрываемом без свидетелей; во второй главке – намек на тайное, в третьей – само тайное: грязь под лоском наряда и под «штучными выкладками из карельской березы» разбойничий план» [1, с. 111]. Шкатулка Чичикова описана автором во всех деталях. Она многоярусна, в верхнем, вынимающемся ящике, – мыльница, «перегородки для бритвы», «закоулки для песочницы и чернильница», «лодочки для перьев, сургучей», а под ними – пространство для бумаг и «маленький потасанный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки» [2, с. 52]. Чудо-шкатулка Чичикова, составляющая главный предмет его багажа и обожания, напоминает, по мнению А. Терца, «волшебный ящик в сказке, куда без труда укладывается целое войско, а то и всё обширное царство-государство странствующего царевича» [6, с. 259]. В седьмой главе поэмы Чичиков просыпается с мыслью о том, что «у него теперь без малого четыреста душ». Он просматривает записки помещиков с именами и прозвищами выкупленных мужиков и приходит в умиление: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! Что вы, сердечные, проделывали на веку своем? Как перебивались?» [2, с. 127]. Мёртвые мужики предстают здесь как живые, а в патетических описаниях Петра Савельева Неурожай-Корыто, Степана Пробки, Максима Телятника голос автора и голос героя сливаются воедино.

Поэма Гоголя поражает огромным количеством эпизодических персонажей, каждый из которых незабываемо индивидуален, потому что окружён деталями и подробностями. Гоголевские эпизодические персонажи, как заметил А.Б. Есин, «не дают толчков к сюжетному действию, не помогают характеризовать главных героев <...>. Они существуют сами по себе, интересны для автора как самостоятельный объект изображения, а вовсе не в связи с той или иной функцией» [4, с. 199]. Например, в описании въезда Чичикова в губернский город есть упоминание о двух русских мужиках, размышляющих о колесе и о том, доедет ли оно в Москву или Казань. В дальнейшем повествовании об этих мужиках не будет сказано ни слова. Случайно встретившийся Чичикову молодой человек также описан достаточно подробно: «... в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушениями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкой с бронзовым пистолетом» [2, с. 6]. Детали данного описания могут говорить о моде того времени, «тульская булавка» – о месте, где она изготовлена, но при этом они не несут никакой психологической нагрузки, поскольку упомянутый «молодой человек» никогда уже не появится на страницах поэмы. Однако его присутствие «в кадре» мотивировано

желанием автора воссоздать полноту жизни. Гоголь детально описывает образы слуг, чиновников, городских дам, реальных и умерших мужиков, создавая образ народа и нации, что соответствовало жанровой природе задуманного им произведения.

Объектом фокализации (фокусировки внимания) в гоголевской поэме неоднократно становятся еда и напитки. Художественная детализация еды является одним из лейтмотивов гоголевской поэмы. Начиная с первых страниц, в «Мертвых душах» детально описывается, что ели и пили персонажи произведения. Так, уже в первой главе поэмы читатель узнаёт, какие блюда обычно подавали в трактирах: «щи с слоевым пирожком <...>, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый» и т.д. [2, с. 8]. В этих и других описаниях сказалось, очевидно, не только влияние античных авторов, но и И.П. Котляревского, который в своей «Энеиде» даёт длинные каталоги яств и напитков, поглощаемых героями.

В четвертой главе поэмы, размышляя о «господах средней руки» и об их желудках, автор описывает, что они ели в трактирах: «на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них между зубами, заедаемая расстегаем и кулебякой с сомовьим плёсом...» [2, с. 57]. К таким господам принадлежит и Чичиков. Остановившись в трактире, он заказывает себе поросенка с хреном и со сметаной.

Приемом пищи, как правило, начинается или завершается операция Чичикова по покупке мертвых душ. Например, у бесхозяйственного Манилова приглашение к обеду сопровождается преамбулой: «Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца» [2, с. 27]. Гораздо богаче обед у Коробочки, которая предложила гостю «грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с луком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками» [2, с. 53]. Перечень блюд в данном случае свидетельствует о хозяйственности и изобретательности помещицы. Во время чаепития у Коробочки Чичиков сам вливает «фруктовую» в чашку с чаем. Это не случайная сюжетная деталь. Она говорит о том, что герой решил не церемониться с хозяйкой.

Примечательно, что в разговоре с Коробочкой детализируется тема пьянства. Хозяйственная помещица жалуется на то, что у неё «сгорел» кузнец: «Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил, только синий огонек пошел от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь...» [2, с. 47]. Автор никак не комментирует данный эпизод, но он красноречиво свидетельствует о том, как пили крепостные. Гоголь мастерски передаёт интонацию речи выпившего Селифана, которого угостили дворовые люди Манилова. В ответ на обвинения Чичикова («Ты пьян как сапожник!») кучер произносит монолог, замедленный и алогичный: «Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить» [2, с. 39]. То, что Селифан «подгулял», имело свои последствия: он сбился с дороги, бричка опрокинулась, Чичиков «шлёпнулся» в грязь, а в итоге в поэме появился неожиданный поворот в развитии действия – путники попали к Коробочке.

В гоголевской поэме пьют не только крепостные, но и помещики, а также чиновники. Ярким доказательством этому является обед у полицеймейстера в седьмой главе поэмы, когда пили «за здоровье нового херсонского помещика», за переселение его

крепостных, за здоровье будущей жены и т.д. Автор во всех деталях описывает атмосферу мужской пирушки с многократным «чоканьем», разговорами «обо всем», когда спорили и кричали о политике, о военном деле и даже излагали «вольные мысли». Это единственный эпизод в поэме, в котором Гоголь изображает пьяного Чичикова. Психологически он мотивирован. Совершив «купчую» в гражданской палате, он расслабился и вышел из роли. Херсонские деревни и капиталы причудились ему реальностью. Автор смеётся над героем, который «заснул решительно херсонским помещиком». Со всеми подробностями описана процедура раздевания Чичикова, реакция Селифана на бред хозяина, на его приказание «собрать всех вновь переселившихся мужиков, чтобы сделать им поголовную перекличку» [2, с. 142]. Весь этот эпизод пронизан юмором и комизмом. Гоголь умышленно не называет место, куда пошли слуга и кучер после того, как уснул их барин, но детали его описания красноречиво свидетельствуют о том, что это был трактир. «Что делали там Петрушка с Селифаном, бог их ведаёт, но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчание, оказывая друг другу большое внимание и предостерегая взаимно от всяких углов. Рука об руку, не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу» [2, с. 142]. До Гоголя никто в русской литературе не изобразил так подробно процесс пьянства и его результаты.

Характеристическую функцию выполняют подробности угощения, предложенного Ноздрёвым. Описывая обед в его доме, автор подчёркивает, что блюда не играли большой роли в жизни данного персонажа («кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось»), зато даёт длинный перечень напитков, которые Ноздрев предлагает гостю. «...Еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому гостерна...» [2, с. 70], потом принесли бутылку мадеры, которую «заправляли» ромом, «а иной раз вливали туда и царской водки», затем последовал «бургуньон и шампуньон вместе», рябиновка, бальзам и т.д. Все детали данного перечня говорят о пристрастии Ноздрёва к спиртным напиткам. У героя своя шкала ценностей, а предметом его хвастовства является не только карточная игра, но и то, что и в каких количествах он пил. «Верить ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!», – хвастается Ноздрёв Чичикову [2, с. 61].

Застолье у Собакевича, наоборот, свидетельствует о том, что именно еда является главным удовольствием и смыслом его жизни. По обилию блюд, по отношению к ним героя обед у Собакевича напоминает обед у Петра Петровича Петуха во втором томе «Мертвых душ». Описывая «закуску», предшествовавшую обеду, автор подчёркивает, что гость и хозяин «выпили как следует по рюмке водки» и закусили так, «как закусывает вся пространный Россия по городам и деревням», то есть рюмка водки заедалась «всякими солёностями и иными возбуждающими благодатями» [2, с. 91]. После закуски герои последовали в столовую, и здесь в фокусе авторского внимания оказывается не столько количество и качество блюд, сколько то, как ест герой и как он расхваливает достоинства своей домашней кухни, предпочитая её французским и немецким выдумкам. «Щи, моя душа, сегодня очень хороши! – сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к шам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. <...> Возьмите барана, – продолжал он, обращаясь к Чичикову, – это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делают на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! <...> он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел все, обгрыз, обсосал, до последней косточки» [2, с. 91-92]. После бараньего бока были ватрушки «больше тарелки», «индюк ростом с теленка, набитый

всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем» [2, с. 93]. В описании обеда у Собакевича Гоголь использует множество подробностей и приём гиперболизации. Автор не оперирует словом «куча», но читателю ясно, что своя «куча» есть и у Собакевича – это куча еды, разнообразных блюд, каждое из которых отличается большими размерами.

Пристрастие Собакевича к еде акцентируется и в других эпизодах романа, например, на обеде у полицеймейстера, на котором гости, приступив к еде, «стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр» [2, с. 140-141]. На этом фоне Гоголь крупным планом изображает Собакевича, обращая внимание читателя на то, как он ещё до начала обеда «наметил» осетра, лежащего в стороне на большом блюде, как «пристроился к осетру». Пока гости разговаривали и ели, «он в четверть часа с небольшим доехал его всего». А когда полицеймейстер вспомнил об осетре и увидел, что от него остался только хвост, Собакевич «пришипился», как будто и не он его съел, «и, подошедши к тарелке, которая была подалась прочим, тыкал вилкой в какую-то сушеную маленькую рыбку» [2, с. 141]. В деталях данного эпизода раскрывается не только комизм ситуации, но и характер Собакевича.

Совсем иное отношение к еде демонстрирует Плюшкин. Медленное умирание его жизни сказывается не только в запустенье, царившем в его усадьбе, но и в отношении к еде. «Сухарь из кулича» и ликёрчик, который ещё покойница-жена делала, – это всё, что он может предложить гостю. Однако даже такое странное поведение героя свидетельствует о том, что хозяин имения помнил о старинных русских обычаях, в частности, о законе гостеприимства.

Художественная детализация как приём реализуется также в описаниях обстановки и хода карточной игры, которые по-своему важны в изображении помещичьего и чиновничьего быта в «Мертвых душах» Гоголя. На протяжении первого тома поэмы писатель неоднократно возвращается к мотиву карточной игры, которая расценивается как естественное и привычное занятие помещиков и чиновников в часы досуга. В первой главе поэмы автор знакомит читателя с тем, как играли в вист в доме губернатора. Вист относится к коммерческим играм. Ю.М. Лотман указывает, что в вист играли степенные и солидные люди [5, с. 394]. Присоединившись к «толстым», Чичиков оказался в отдельной комнате, где ему «всунули карту на вист». Играющие «сели за зеленый стол и уже не вставали до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию...» [2, с. 14]. Автор не входит в детали игры, зато подробно описывает, что «приговаривали» играющие, ударя картой по столу: «...Если была дама: «Пошла, старая попадья!», если же король: «Пошел, тамбовский мужик!» и т.д. [2, с. 15]. Изменённые названия карт, которыми они «перекрестили» масти в своем обществе – «черви! червоточина! пикенция!» или: «пикендрас! пичурушух! пичура!» – подчёркивают провинциальный характер чиновничьего быта, а обилие восклицательных знаков передаёт накал страстей во время игры.

Примечательно, что знакомство Чичикова с Ноздрёвым происходит во время карточной игры у полицеймейстера, «где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи». То, что Ноздрёв – заядлый картёжник и плут, выяснится позже, но уже в первой главе поэмы появляются настораживающие подробности, характеризующие его как игрока. Несмотря на то, что он со всеми был на «ты», «когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил» [2, с. 18].

Как азартный игрок, Ноздрёв раскрывается в нескольких эпизодах четвёртой главы поэмы. Встретившись с Чичиковым в трактире, он сообщает, что «продулся в пух»: «Верить ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал. <...> Не только убухал четырех рысаков – все спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...» [2, с. 59]. Ноздрёв играет в азартные игры и надеется на случай. Свои неудачи он тоже объясняет волей случая: «Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк» [2, с. 60]. Речь данного персонажа пестрит картёжной терминологией: «играть дублетом», «в фортунку кутнул», «и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь». В авторских характеристиках картёжного шулера подчеркивается, что он «спорил и заводил сумятицу за зеленым столом <...>. В картишки <...> играл не совсем безгрешно и чисто...» [2, с. 65]. Намёком на картёжные махинации героя является описание того, как он на протяжении четырёх дней не выходил из комнаты, занимаясь «делом», требующим большой внимательности. Дело это «состояло в подборании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться как на вернейшего друга» [2, с. 195]. Ноздрёв – игрок не только за карточным столом, но и в жизни, о чём свидетельствуют детали его поведения.

Есть в гоголевской поэме эпизод, в котором описание карточной игры выполняет психологическую функцию. Это эпизод, когда Чичиков после «разоблачения» Ноздрёва «присел в вист», чтобы не думать о случившемся. Присутствующие обратили внимание на то, что Павел Иванович, «так тонко разумевший игру», играл плохо: «все пошло как кривое колесо: два раза сходил он в чужую масть и, забыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдуру свою же» [2, с. 162]. Плохая игра Чичикова – свидетельство его внутреннего состояния. Рассказчик замечает, что чувствовал он себя так, «будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную вонючую лужу» [там же].

Детализация изображаемого – характерная особенность стиля Гоголя. Функции подробностей и «мелочей» в поэме «Мертвые души» разнообразны: это функции «торможения», «задержания» действия, конкретизации времени и места действия, создания фона, в том числе и исторического, функции психологической характеристики героя и т.д. Художественные детали у Гоголя, как правило, не единичны. Они объединены в систему и несут на себе значительную смысловую и идейно-художественную нагрузку – помогают автору реализовать свой замысел – создать поэму и отразить в ней, хотя бы с одного боку, но всю Русь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельгий А. Мастерство Гоголя / Бельгий Андрей. – М.: МАЛПИ, 1996. – 351 с.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. / Гоголь Н.В. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 5. Мертвые души: [поэма] / [Коммент. С.И. Машинского]. – 1985. – Т. 527 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. / Гоголь Н.В. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 6. Статьи / [Коммент. Ю. Манна]. – 1986. – 543 с.
4. Есин А.Б. Люди, вещи, события в «Мертвых душах» Гоголя / Есин А.Б. // Литературоведение. Культурология. Избр. труды / Есин А.Б. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. 196-208.
5. Лотман Б.М. Пиковая дама и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Лотман Ю.М. // Избранные статьи: В 3 т. / Лотман Ю.М. – Таллин, 1992. – Т. 2. – С. 389-415.
6. Терц А. В тени Гоголя / Терц Абрам // Собр. соч.: В 2 т. / Абрам Терц. – М.: СП «Старт», 1992. – Т.2. – 1992. – С. 3-336.

7. Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В.Гоголя «Мертвые души»: Комментарий: [пособие для учителя] / Смирнова-Чикина Е.С. – Л.: Просвещение, 1974. – 318 с.

8. Чернец Л.В. Деталь / Чернец Л.В. // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: [учеб. пособие] // [под ред. Л.В.Чернец]. – М.: Высш. школа; Изд. центр «Академия», 1999. – С. 62-75.

9. Шкловский В.Б. Избранное: В 2 т. / Шкловский В.Б. – М.: Худож. лит., 1983. – Т.1. Повести в прозе; Размышления и разборы. – 1983. – 639 с.

Валентина Мацапура

ПРИЙОМИ ДЕТАЛІЗАЦІЇ І ФУНКЦІЇ ДЕТАЛЕЙ В ПОЕМІ ГОГОЛЯ «МЕРТВІ ДУШІ»

У статті аналізуються лейтмотивні деталі у тексті першого тому «Мертвих душ» Гоголя, зокрема «дрібниці», пов'язані з образом Чичикова, мотивами їжі, пиття, картярської гри. Автор статті зосереджує увагу на портретних деталях, подробицях інтер'єру, а також на функціях «дрібниць», виокремлює функції психологічної характеристики, конкретизації часу і місця дії, «затримки» дії, створення фону, на якому розвивається дія, у тому числі й історичного.

Ключові слова: деталь, подробиця, система деталей, образ-річ, прийом деталізації, функції деталей, мотив.

Valentyna Matsapura

METHODS OF DETAILED ELABORATION AND FUNCTIONS OF DETAILS IN GOGOL'S POEM «THE DEAD SOULS»

The article dwells upon leit-motif details in the text of the first volume of Gogol's «The Dead Souls», mainly, the details connected with Chichikov's image, food motives, drinks motives and the motive of gambling game. The article's author concentrates her attention on the functions of portrait details, interior details and «trifles», pointing out the role of psychological description, specification of time and place of the action, «delaying» of the action, creation of the background, including historical one.

Key words: detail, trifle, the system of details, thing image, detalization technique, details function, motif.

Одержано 3.11.2009 р., рекомендовано до друку 15.12.2009 р.